Меня называют евразийцем

Лев Гумилев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Интервью любезно предоставлено Общественной организацией "Фонд Л. Н. Гумилева".

Интервью брал Андрей Писарев, руководитель отдела публицистики журнала "Наш современник" в 1991 г.

Впервые опубликовано // «Наш современник» 1991, № 1, 62–70 с.

- Лев Гумилев

Лев Гумилев
Меня называют евразийцем

А. П.: Лев Николаевич, давайте начнем с «истоков». Сегодя Вы представляете единственную серьезную историческую школу в России. Последней такой школой было евразийство — мощное направление исторической мысли первой половины нашего века, представленное такими именами, как Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, отчасти Л. П. Карсавин и Г. П. Федотов. Насколько евразийцев можно считать предшественниками теории этногенеза Л. Н. Гумилева?

Л. Г.: Вообще меня называют евразийцем — и я не отказываюсь. Вы правы: это была мощная историческая школа. Я внимательно изучал труды этих людей. И не только изучал. Скажем, когда я был в Праге, я встречался и беседовал с Савицким, переписывался с Г. Вернадским. С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен. Но главного в теории этногенеза — понятия пассионарности — они не знали. Понимаете, им очень не хватало естествознания. Георгию Владимировичу Вернадскому как историку очень не хватало усвоения идей своего отца, Владимира Ивановича.

Когда мы говорим «история» — мы просто обязаны отметить или упомянуть, какая это история, история чего? Существует простое перечисление событий — это хроника; есть история экономическая, описывающая производство материальных благ; есть история юридическая, достаточно развитая в России в XIX в., изучающая эволюцию общественно-политических институтов; есть история культуры, военного дела и так далее. Я занимаюсь этнической историей, которая является функцией природного процесса — этногенеза и изучает естественно сложившиеся несоциальные коллективы людей — различные народы, этносы. В чем принципиальное отличие этнической истории от исторических наук, изучающих социальные структуры? Этническая история от всех прочих отличается прежде всего дискретностью, прерывистостью. Происходит это потому, что сам процесс этногенеза (как, впрочем, и всякий другой природный процесс) конечен и связан с определенной формой энергии, открытой нашим великим соотечественником В. И. Вернадским, — энергией живого вещества биосферы. Эффект избытка этой энергии у человека ваш покорный слуга назвал пассионарностью. Любой этнос возникает в результате

определенного взрыва пассионарности, затем, постепенно теряя ее, переходит в инерционный период, инерция кончается, и этнос распадается на свои составные части…

А. П.: Лев Николаевич, расскажите о приложении теории этногенеза к русской истории.

Л. Г.: Даже в общих чертах это достаточно долгий разговор. Начать, видимо, нужно с того, что история Древней Руси и России — результат двух разных взрывов пассионарности, двух разных пассионарных толчков. Взрыв пассионарности, который вызвал к жизни Древнюю Русь, произошел в I в. н. э. от Южной Швеции (движение готов) к устью Вислы и к Карпатам, где жили тогда предки славян; затем он прошел через территорию современной Румынии — Дакии: даки были сожжены этой пассионарностью, потому что бросились воевать с могучей Римской империей, в результате этой войны они, по существу, были все истреблены. Далее этот взрыв прошел через Малую Азию и Палестину, где возникло православное церковное христианство, позднее оформившееся в Византийскую империю. Далее этот же толчок прослеживается в Абиссинии (Аксум). Все это случилось, повторяю, в I в. А ведь именно к этому времени (I–II вв.), как доказал еще мой покойный учитель, профессор Артамонов, появились первые археологические памятники, которые можно отнести непосредственно к славянам. Вот этот-то славянский (а вернее, славяно-готский) этногенез и породил позднее Древнюю Киевскую Русь. И вот здесь я должен еще раз обратиться к этнологии.

Этнос — долго идущий процесс, определяемый тремя параметрами: пространственным (географический ландшафт), временным (изменение пассионарности от рождения до распада через определенную последовательность фаз) и контактным (взаимодействие с другими этническими системами, которое вызывает смешение, нарушение прямого процесса).

Продолжительность этногенетического процесса, если считать с инкубационным периодом жизни этноса в начале и с инерционным в конце, — около полутора тысяч лет. Так же случилось и со славянами. В середине своего развития, в так называемой фазе надлома, они раскололись на отдельные племена и народы, хотя и продолжали ощущать свое единство, по-прежнему пользовались общепринятым языком. Но и языки и культуры постепенно, но неуклонно расходились: чехи и поляки оказались католиками, сербы и болгары стали православными, но противниками Византии; языческие полабские славяне были покорены немцами, хотя до XVIII в. на берегах Эльбы говорили на

славянских языках.

Часть древних славян двинулась на Восток, дошла до рубежа Днепра и до озера Ильмень. Эта часть и была этнической основой древнерусского периода славян. Естественно, при своем расселении славяне, встречаясь с соседними народами, брачились с ними, включая их в свою этническую систему. Так, если по правому берегу Днепра жили славянские племена славян и древлян, то на левом берегу жили, к востоку от Чернигова, сабиры — северяне, которые сменили свой древний язык (неизвестно какой) на славянский и вошли в состав Киевской Руси. К XIV–XV вв. славянского единства уже не существовало, но память о нем сохранилась. В XV в. чешские гуситы пытались вернуться к православию, проповеданному у них еще святым Мефодием. Но так как Византия была слаба, а России как целого государства не существовало, это им не удалось — они остались в рамках западноевропейских суперэтносов и очень сильно пострадали от этого. Если во времена Яна Гуса чехов в Богемии было три миллиона, то после битвы на Белой горе в 1618 г. их осталось всего 800 тысяч. Причиной такой страшной убыли генофонда была победоносная война 1419–1458 гг. В победоносных войнах люди так же гибнут, как при поражениях.

Понимаете, сама проблема разрыва этнической традиции, проблема этнических упадков потому и сложна, что нынешнее истолкование истории идет на уровне начала XIX в. В то время во всех науках господствовал прямолинейный механистический эволюционизм, ныне отброшенный даже в зоологии и замененный мутогенезом. Поскольку с таких позиций необъяснимы летальные исходы огромных цивилизаций, то виноватыми в гибели, например, Римской империи считали то варваров, то христиан, то рабов и рабовладельцев, но никак не самих римлян. А ведь причина гибели Римской империи и ее культуры гнездилась именно в них, хотя считать их виноватыми тоже неправильно: ведь нельзя же обвинять старика в том, что он не занимается боксом или альпинизмом, ссылаясь на больное сердце.

Римляне к IV в. разучились воевать и даже защищаться. Достаточно вспомнить, что после разорения Рима вандалами в 455 г. римляне обсуждали не как восстановить город, а как устроить цирковое представление: на большее они уже не были способны. А вождю герулов — Одоакру они подчинились в 476 г. без сопротивления.

Римский пример не единственный способ гибели «цивилизации», Византия погибла мужественно и трагично. Следовательно, гибель можно выбирать, хотя сам выбор всегда

бывает подсказан ходом событий далекого прошлого. Все системы, возникшие при пассионарном толчке, распадаются, но каждая по-своему…

А. П.: Таким образом, в соответствии с вашей теорией, Древняя Русь закончила свое существование примерно в XIV–XV вв. Законный вопрос: откуда же взялась Россия — та Россия, в которой мы с Вами живем?

Л. Г.: Новая русская этническая целостность — результат толчка XIII в., который прошел несколько восточнее предыдущего толчка I в. Он прослеживается от Финляндии через Белоруссию (между Вильно и Москвой), через Малую Азию, которая тогда уже была в руках турок (толчок породил там могучую Османскую империю) и до Абиссинии, которая снова восстановилась из обломков предыдущей Аксумской эпохи. Точнее определить дату толчка и его географию мы не можем, но мы можем назвать первых пассионариев, которые создали две великие державы — Литву и Россию: Александра Невского в России и князя Миндовга в Литве. Вся история Литвы начала XIV в., то есть до Гедимина, — период небольших смут, непорядков, распрей, все более кровопролитных и жестоких, — начало пассионарного подъема. Силы вновь возникших и обновленных этносов уходили на междуусобные войны. В этом отношении судьбы Великого княжества Литовского и Великого княжества Владимирского были различны. Дело в том, что в XIII в. из Монголии пришли войска Батыя.

А. П.: Здесь, в оценке и интерпретации этого события, Вы, наверное, согласитесь, — основной пункт ваших расхождений с большинством историков: как западнического, либерального, так и патриотического (например, А. Кузьминым или В. Чивилихиным) направлений.

Л. Г.: Соглашусь, но здесь есть известная разница. Что касается «западников», то мне не хочется спорить с невежественными интеллигентами, не выучившими ни истории, ни географии. В науке считается правильным только эмпирическое обобщение, то есть непротиворечивая версия, опирающаяся на все известные факты. Повторю лишь факты, которые я приводил неоднократно.

В XIII в. всех монголов было около 700 тысяч человек: воинов же 130 тысяч. Воевали они на трех фронтах: в Китае, где было около 60 миллионов населения в империи Цзинь и 30 миллионов в империи Южная Сум; в Иране с его 20 миллионным населением и в Восточной Европе с населением в 8 миллионов, из которых

хорошо обученное войско составляло более 110 тысяч человек. А кроме этого — камские булгары, мордва и половцы. Понятно, что перебросить на Запад в 1236–1237 гг. монголы могли лишь очень небольшое количество войск. Замечательный эрудит, знаменитый археолог, профессор Николай Веселовский определяет их как 30 тысяч человек, и, по-видимому, столько их и было. Естественно, с такими силами Батый завоевать Россию, в которой было 110 тысяч вооруженных воинов, не мог. Его поход в 1237–1240 гг. не более чем просто большой набег, причем целью этого набега было не завоевание России, а война с половцами, с которыми у монголов уже была кровная месть, степная вендетта. Так как половцы крепко удерживали линию между Доном и Волгой, то монголы применили известный тактический прием далекого обхода — и совершили кавалерийский рейд через Рязанское, Владимирское княжества, затем взяли Козельск, страшно истребив его население, затем перешли к Киеву, который, собственно, и защищать-то никто не стал: князь бежал, а воевода не смог собрать войско, потому что после троекратного разгрома соседними русскими княжествами Киев превратили в руины. Затем монголы ушли на Запад.

Возникает вопрос: чем была вызвана такая жестокая расправа с Козельском, который монголы прозвали «злым городом»? В названии — разгадка. Монголы «злыми» называли города, в которых убивали их парламентеров. Убийство парламентера, с точки зрения монголов, было тягчайшим преступлением. При Калке были убиты монгольские послы, и в числе их убийц был Мстислав, князь Черниговский. Конечно, можно возразить, что горожане не виновны в преступлении князя, но у монголов было чрезвычайно развито понятие коллективной ответственности: если жители данного города признают своего князя, они делят его судьбу.

Аналогичный случай имел место в 1945 г. Когда наши войска окружили Будапешт, всем было ясно — город не устоит. Чтобы избежать разрушения города и напрасного кровопролития, была предложена капитуляция. Три советских парламентера договорились об условиях капитуляции с венгерским командованием. Но на их обратном пути немецкий патруль дал автоматную очередь по машине. Шофер успел дать газ, машину внесло в наше расположение, и наши солдаты и офицеры нашли в ней трех умирающих товарищей. После этого удержать войска от приступа было невозможно. Я в это время был под Берлином, но если бы я был под Будапештом, то смею Вас уверить, что и меня бы не удержали, ибо я вполне разделяю мнение, которое монголы пытались насадить во всем мире: личность посла

неприкосновенна. Но если в связи с западнической концепцией «ига» у меня вопросов не возникает, то признание этой концепции историками национального направления поистине странно. Даже непонятно, как историки смеют утверждать, что их трактовка в этом случае патриотична. Значит, отряд кочевников без баз, без пополнений, с постоянной нехваткой стрел, которые надобно расходовать, побил и покорил наших предков?! Да ведь если маленький Козельск так долго сопротивлялся, то очевидно, что силы нападающих были невелики. Это были далеко не триста тысяч, как предполагали либеральные историки прошлого века. А ведь именно у них позаимствовал эту цифру Чивилихин. Реальная величина, как мы уже говорили, на порядок меньше. Никак не пойму, почему люди, патриотично настроенные, так обожают миф об «иге», выдуманный, как показал В. Каргалов, в XVI в. немцами и французами, чтобы перетянуть на свою сторону белорусов и украинцев.

Ведь и говорить о завоевании России монголами нелепо, потому что монголы в 1249 г. ушли из России, и вопрос о взаимоотношениях между Великим Монгольским улусом и Великим княжеством Владимирским ставился уже позже и решен был уже в княжение Александра Невского, когда он, договорившись сначала с Батыем, потом подружившись с его сыном Сартаком, а затем и со следующим ханом, убийцей Батыя и Сартака — мусульманином Берке, добился выгодного союза с Золотой Ордой, которая располагалась в низовьях Волги. Вокруг Сарая, который лежал между Волгоградом и Астраханью, около села Селитряного, расстилались широкие и, в общем, ненаселенные степи, так что никакого давления политического или военного Орда на Владимирское княжество оказывать не могла. И не оказывала. Более того. В это время в самом Монгольском улусе вспыхнула гражданская война. Батый удержался только потому, что Александр Невский дал ему свои дополнительные войска, состоящие из русских и алан, что и помогло Батыю выиграть распрю с великим ханом Гуюком, умершим во время похода. Сил у Батыя после ссоры с родственниками, по авторитетным источникам, было всего 12 тысяч человек монгольских воинов, разделенных между тремя большими ордами, которыми руководили братья Батыя. Четырех тысяч монголов для того, чтобы контролировать такую огромную территорию, было, естественно, мало. Вести войну с такими силами совершенно невозможно. Поэтому ордынские ханы — Батый, Берке, Менгу-Тимур — прежде всего искали надежных союзников. Но союзники были нужны и России, потому что в это время (1245) на Лионском соборе папа Иннокентий IV объявил

крестовый поход против схизматиков — греков и русских. Во время столкновений русских с немецкими крестоносцами в Прибалтике немцы, захватив город, обращали местное население — латышей и эстонцев — в крепостных рабов, а русских, включая грудных детей, поголовно вешали. Против русских немцы вели истребительную войну. Александр Невский остановил наступление шведов в 1240 г., через два года он выиграл сражение на Чудском озере, и это отсрочило неизбежный конец. Александру нужны были союзники для того, чтобы противостоять крестовым походам, последствия которых были хорошо известны на примере разгрома Византии, похода в Палестину, Антиохию, всех тех зверств, которые крестоносцы учиняли на захваченных в своей первой колониальной войне территориях. И он сумел заключить союз с Золотой Ордой. Польза от этого была колоссальная.

Небольшая Прибалтика служила удобным плацдармом для всего западноевропейского рыцарства — в Прибалтику вливались вооруженные отряды из Франции, из Лотарингии, из Германии, скандинавских стран — орден, таким образом, мог создать любое войско для того, чтобы добиться победы над схизматиками. В 1269 г. после битвы под Раковором (1268), которую новгородцы выиграли, разбив немецкий отряд, немцы подготовились к решающему удару и сконцентрировали значительные силы для удара по Новгороду. И тогда в Новгород явились боевые порядки татарских всадников, и, цитирую, «немцы, замиришася по всей воле новгородской, зело бо бояхуся и имени татарского». Псков и Новгород были спасены. И действительно, военная техника у татар была гораздо выше европейской. Правда, у них не было тяжелых лат, но халаты в несколько слоев войлока защищали от стрел лучше железа. Кроме того, дальность полета стрелы у английских лучников, лучших в Европе, была 450 метров, а у монголов до 700 метров, ибо они имели сложный лук, клееный, с роговой основой. Кроме того, у монгольских лучников с детства специально тренировали определенные группы мышц. В общем, Владимирское княжество устояло, несомненно, только благодаря тому союзу, который Александр Невский заключил с золотоордынскими ханами.

Трудно ему было. Большинство современников, как это часто бывает, его не понимали. Умер он не от яда — это вымысел. Он умер в один год со своим союзником Миндовгом, который собирался сбросить немцев в Балтийское море. Миндовг умер, по-видимому, от руки убийцы или от яда убийцы в Литве, а Александр, как известно, умер в Городце, куда немецкие агенты проникнуть не могли, а татарам он был дорог как союзник и друг.

Возникает интересный вопрос: почему Православная Церковь объявила Александра Невского святым? Выиграть две битвы — довольно простое дело, многие князья выигрывали сражения. Александр Невский не был очень добрым человеком — он крепко расправлялся со своими противниками, — так что и это не повод для того, чтобы сделать его святым и почитать до сих пор — именно сейчас отслужили панихиду по Александру Невскому в память Невской битвы. Очевидно, главным послужил имеющий колоссальное значение правильный политический выбор, сделанный Александром. В его лице русские поняли: надо искать не врагов, которых всегда достаточно, а друзей.

В конце XIII в. Золотая Орда на Нижней Волге пережила очень много тяжелых потрясений: восстал темник Ногай; была длительная гражданская война, и в это время Смоленск, к которому монголы и близко не подходили, в 1274 г. прислал послов с просьбой принять под свою руку город. Выражение «под свою руку» не должно обманывать читателя — так в те времена назывался оборонительно-наступательный союз. Дипломатический этикет XIII в. предполагал, что просящий уже тем самым признает приоритет того, у кого он просит.

Но в начале XIV в. случилось потрясение, стоившее Орде существования: царевич Узбек принял ислам, отравил своего предшественника хана Тохту и объявил ислам государственной религией Орды. Все подданные улуса Джучи — то есть Золотой Орды на Волге, Синей Орды в Тюмени, Белой Орды на Иртыше — должны были принять ислам. Но подданные запротестовали, заявив: «Зачем нам вера арабов, когда у нас есть своя вера — яса нашего великого Чингисхана?» Вскипела гражданская война, в которой довольно многочисленное население Поволжья, уже обращенное в ислам, поддержало Узбека. Но по отношению к русским таких притязаний не было. Русских никто не собирался обращать в ислам. Это также показывает, что здесь мы имеем этнический симбиоз и союз двух крупных держав, нуждающихся друг в друге, а не покорение Руси Золотой Ордой. К этому времени в России князья — наследники уже разложившейся и уже загнивающей Древней Руси были постепенно оттеснены от власти митрополитами. Митрополит Петр, который в 1300 г. с Волыни был приглашен в Россию править в стольном городе Владимире, был очень мягкий, добрый и образованный человек. Этим он, естественно, вызвал неудовольствие среди своих подчиненных, которые по старому русскому обычаю начали писать на него доносы великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому. Тот созвал специальный Собор для того, чтобы на нем выяснить, действительно ли берет взятки митрополит Петр. И произошло

нечто необычное. Вообще полагается, что на Соборе право голоса имеют только духовные лица. А на этом Соборе собралась паства. Это, кстати, чисто монгольский обычай — в Орде все верующие обладали равными в этом смысле правами. И паства сказала: «Да мы нашего владыку знаем. Никаких взяток он не берет. И вообще он очень скромно живет. Куда же он девает деньги?» А митрополит Петр действительно жил очень скромно, единственное у него было, говоря современным языком, хобби — он очень любил рисовать иконы, чем и занимался в свободное время. После всего этого митрополит Петр, очень обиженный, стал ездить в Москву, а не в Тверь. И в Москве его очень хорошо принимали. Постепенно центр духовной жизни сосредоточился в Москве. Наследник Петра, грек Феогност, был очень умным человеком. Однажды он поехал в западные владения, уже захваченные Литвой, с миссионерскими целями. Из этой поездки он чудом вернулся живым. Оказалось, что та часть огромного государства Древней Руси распалась на две части — одну, подчинившуюся добровольно татарам, и другую, захваченную Литвой — Гедимином, Ольгердом, Витовтом и Ягайлой.

Вообще, литовцы нанесли значительно больше обид и оскорблений захваченным подчиненным Черной Руси, Белой Руси, Волыни (а поляки захватили Червленую Русь — Галицию), и везде русские оказывались в очень угнетенном состоянии. А татары, не желавшие принимать ислам, находили убежище на Руси. Главным образом они ездили в город Ростов — это был самый культурный город в Великороссии. Половину его населения составляла меря. В Ростове даже был большой храм Керемету — их богу. А на другой стороне, в центре города, стоял храм Николая Угодника, в который ходила другая половина города — русские христиане. Посередине же был базар. И русские и меря великолепно уживались друг с другом. А через некоторое время меря тихо и спокойно приняла православие. Кстати, фактически русские приняли православие тоже довольно вяло, долго оставаясь двоеверцами: они признавали и христианскую религию, и нечистую силу, которую старались задобрить подарками. Такое двоеверие распространено до сих пор, когда люди считают, что не надо ссориться ни с Богом, ни с дьяволом. С Богом — нехорошо, а дьявол может сделать что-нибудь неприятное. Священники, которых отправляли по деревням, были простые русские люди, и они великолепно понимали — дьявол-то есть! И поэтому они никак не наказывали двоеверов. Осуждали, но не наказывали. Поэтому это двоеверие стало религиозной основой Древней Руси. «Чистое» православие сохранялось только во Владимирской митрополии. В ней властвовал тогда наследник

Феогноста митрополит Алексей (Бяконт), хотя чаще всего он жил в Москве. Его крестным отцом был не кто иной, как Иван I Калита. При Иване II, сыне Ивана Калиты, Алексей был фактическим правителем государства.

Здесь случилось событие, углубившее дружбу между Ордой и (теперь уже можно говорить) Москвой. В Орде жила вдова страшного тирана, беспощадного завоевателя и жестокого правителя Узбека. Звали ее Тайдула. Она была первая леди Мусульманского мира. Во всех источниках о ней говорится как о женщине исключительно доброй, приветливой и красивой. Она никогда никому не делала зла, защищала людей от гнева своего мужа, а потом от гнева своего сына Джанибека, который, справедливости ради надо сказать, был в отличие от отца добрым и справедливым человеком. Но после смерти Узбека самым влиятельным человеком в Орде была Тайдула. И вдруг она ослепла. По-видимому, у нее развилась обыкновенная трахома. Так как никакие шаманы помочь ей не могли, она обратилась к митрополиту Алексею. Он предложил ей приехать на границу, которая была около Тулы (кстати, позднейшее название города Тулы — от имени Тайдулы). Завел ее в церковь, освещенную восковыми свечами, долго читал молитвы и водой смазал ей глаза. То есть на самом деле это была не вода, а спирт, который в Москве уже умели делать. Известно, что трахома довольно легко убирается спиртом. И Тайдула прозрела. Этот случай укрепил дружбу между Золотой Ордой и Великим княжеством Московским. Дружба эта была крайне необходима, так как Литва со страшной силой давила на русские земли и подчинила себе уже и Киев — после битвы при Ирпени, и Чернигов, и Курск. Затем Витовт захватил Смоленск, Вязьму и Брянск. То есть литовцы имели гораздо больше силы, чем татары, и приносили Руси гораздо больше бедствий. Любопытно, что эта сторона русской истории историками XIX в. замалчивается. Интеллигенция западнического направления считала, что говорить о притеснениях нас европейцами как-то нехорошо. И только Михаил Юрьевич Лермонтов две свои лучшие поэмы — «Боярин Орша» и «Литвинка» — посвятил конфликтам русских именно с литовцами, а не с татарами, что соответствовало действительным историческим тенденциям. Летописи свидетельствуют, что набеги литовцев, хотя и пеших, были намного более жестокими, нежели набеги татарских разбойников, которых было много, как во всякой стране в то время, но которых наказывали сами татарские ханы.

И все было бы хорошо для Орды, если бы не крайняя разношерстность ее населения. Правители так же зависят от

своих подданных, как подданные от правителя. И когда отдельные татарские багадуры («богатыри») пытались укрепиться или в устье Камы, среди камских булгар, или в лесах Мордовии, они на некоторое время получали самостоятельность. А когда сын «доброго» Джанибека мерзавец Бердибек убил своего отца и захватил власть — в Орде появилась масса самозванцев, которых стали поддерживать отдельные племена: то ногаи, то булгары, то остатки куманов, то мордва — началась «великая замятня» в Орде. Но любопытно, что русские князья, даже во время «замятни», когда ханы менялись чуть ли не каждый год, продолжали возить «выход» в Орду — то есть тот взнос, на который Орда содержала свое войско, помогавшее в войнах с немцами, литовцами и всеми врагами Великого княжества Владимирского. Все это продолжалось довольно долго — до тех пор, пока в Орде совершенно не пала местная династия, местная власть. А потом из Орды выделилась Синяя Орда, которая была самой «дикой», самой отсталой, как у нас говорят, страной. Она сохранила еще древнюю доблесть и древнюю воинственность. Хызр-хан Синей Орды захватил Золотую Орду, и в этой распре погибла сама Тайдула, защитница русских. Затем Мамай, который опирался на причерноморские степи и на половцев, не будучи чингисидом, стал сажать царевичей-чингисидов на престол и правил от их имени. Это был выраженный западник. Он договорился с генуэзцами, получал от них деньги. И на них содержал войско отнюдь не татарское, а состоящее из чеченов, черкесов, ясов и других народностей Северного Кавказа. Это было наемное войско. Мамай пытался наладить отношения с московским князем Дмитрием, который был тогда очень мал, и за него правил митрополит Алексей. Но тут вмешался Сергий Радонежский. Он сказал, что этого союза ни в коем случае допускать нельзя, потому что генуэзцы, союзники Мамая, просили, чтобы им дали концессии на Севере, около Великого Устюга. Они хотели постоянно покупать там меха. Сергий же всегда стоял на той точке зрения, что никаких контактов нам с латинами иметь не надо, так как они народ лукавый, лицемерный, вероломный, и притом отнюдь не друзья Руси, а враги. В результате Московское княжество поссорилось с Мамаем и выступило на стороне законного хана Синей и Белой Орды Тохтамыша.

И вот тогда произошло событие, которое положило начало созданию новой России, — Куликовская битва. Интересно, что князья — новгородские, тверские, суздальские и прочие — уклонились от участия в походе на Мамая, а население этих княжеств пришло к Дмитрию как добровольцы. Союзником

Мамая, кроме Генуи, была еще и Литовская Русь, или Великое княжество Литовское. Великий князь Ягайло Ольгердович привел 80 тысяч поляков, литовцев и русских на помощь Мамаю. Правда, он опоздал, и, по-видимому, умышленно, к моменту битвы. Но все равно Мамай был на рубеже победы. Конный удар на русские цепи оказался губительным и для передового полка, которым командовал воевода Мелик, и для пеших ратей. И только применение татарской тактики конного боя, использование засадного полка, вступившего в сражение в критический момент, когда мамаевцы потеряли строй, во главе с Владимиром Андреевичем Храбрым и Боброком Волынцем, переломили ход сражения в пользу русских. Потери в этой резне были колоссальными. Было очень много раненых. Их положили на телеги и повезли домой. Что же делали наши милые западные соседи? Литовцы и белорусы догоняли телеги и резали раненых.

Простите, но я не понимаю: как можно изучать русскую историю и не видеть, где свои и где чужие? Это или умышленное замалчивание, или полная неспособность к историческому мышлению.

Ведь союзником Дмитрия Московского был хан Тохтамыш. Когда Мамай, ускакавший с Куликова поля, собрал новое войско, то именно Тохтамыш с сибирскими войсками пришел в 1381 г. в причерноморские степи и встретил Мамая, готового к бою. Но татарские воины Мамая, увидев законного хана, сошли с коней и передались Тохтамышу. Они не схватили Мамая, а дали ему убежать, ибо они не были предателями. Мамай ускакал к своим друзьям-генуэзцам в Кафу (Феодосию), но европейским купцам он перестал быть нужен, и они его убили. Так разнились понятия о чести и верности у цивилизованных европейцев эпохи Возрождения и у евразийских кочевников Великой степи.

Свою оценку автор не навязывает — читатель волен принять любую точку зрения.

А. П.: Позвольте, Лев Николаевич, но ведь союзник Дмитрия Донского, Тохтамыш, уже в 1382 г. разорил Москву…

Л. Г.: Да, тогда случилась беда, погубившая Тохтамыша, но не Москву. Суздальские князья, потерявшие право на Владимир, были настроены против Москвы. А интриги у них всегда осуществлялись одним способом: писанием доносов. И они донесли Тохтамышу, что Дмитрий хочет предать его и присоединиться к Литве. Тохтамыш был очень славный человек — физически сильный, мужественный, смелый, но, к сожалению, необразованный. Он был не дипломат — дипломаты все погибли во время «великой замятни». И он поверил, ибо в Сибири не лгут:

если свои же приходят и говорят про другого плохо — этому верят! Тохтамыш сделал набег на Москву. Собственно говоря, взять Москву он никак не мог. Он переправился через Оку, подошел к Москве, в то время как все князья и бояре разъехались по своим дачам и жили там спокойно. Москва была укреплена каменными стенами. Взять ее было невозможно — у татар не было никаких осадных орудий, они двигались на рысях одной конницей. И тут сказалось отсутствие профессиональных военных и профессиональных правителей. Народные массы в Москве, как всегда у нас на Руси, решили выпить. Они стали громить боярские погреба, доставать оттуда меды, пиво, так что во время осады почти все московское население было пьяным. Москвичи выходили на крепостные стены и крайне оскорбляли татар непристойным поведением — они показывали им свои половые органы. Татар это ужасно возмутило. А когда в Москве все было выпито, москвичи решили, что больше воевать не стоит, пусть татары договорятся обо всем и уйдут. И открыли ворота, даже не поставив стражу перед ними. Первыми прошли послы, за ними все татарское войско, и двадцать тысяч трупов лежало на улицах внезапно протрезвевшего города. Так было на самом деле — все это описано в летописях. Говорят, Тохтамыш сделал очень непристойный поступок. Но сделал его не столько он, сколько суздальские князья Василий Кирдяпа и Семен Дмитриевич. Они своим доносом вызвали резню. За время, пока татары стояли под Москвой, весть об этом прошла по всей стране. Бояре, воеводы, родственники князя собрали свои дружины и двинулись к Москве. Татары быстро спаслись бегством. После этого Тохтамыш «простил» Дмитрия и решил, что он заключил с ними полный мир. И все бы сошло Тохтамышу, если бы на него не напал Тимур. Тимур прошел от Самарканда до Волги, пользуясь весенним временем. Дело в том, что степь летом совершенно сухая и провести по ней лошадей нельзя. Но когда тает снег — вырастает травка. На юге снег тает, естественно, раньше, чем в середине и на севере. Поэтому каждый раз Тимур останавливал свое войско, выкармливал на свежей травке лошадей и делал следующий переход к тому времени, когда впереди вырастет трава. Таким образом он совершил головокружительный поход, который до него никто не мог совершить. Татары героически сопротивлялись. И потребовали, конечно, помощи от москвичей. Князь Дмитрий Донской уже умер к тому времени, а его сын Василий вроде бы повел московское войско, но защищать татар у него не было ни малейшего желания. Он повел его не спеша вдоль Камы, довел до впадающей в Каму реки Ик и, когда узнал, что татары, прижатые к полноводной Каме, почти все героически погибли, переправил

войско назад и вернулся в Москву без потерь. Но на самом деле он потерял очень много, потому что сам он заблудился в степи, попал в литовские владения, был схвачен Витовтом и вынужден был купить свободу женитьбой на Софье Витовтовне, которая впоследствии причинила России много вреда.

Решающим событием в истории Золотой Орды и Великого княжества Московского была вторая экспедиция Тимура через Кавказ и сражение на реке Терек. Тохтамыш мобилизовал всех подчиненных ему татар — то есть организовал ополчение по типу чингисовского. Но качество его было далеко не то, что при Чингисхане. Несмотря на то что это были прекрасные наездники, стрелки из лука, им явно не хватало жертвенности. Говоря специальным термином, они не были способны на сверхнапряжение. А у Тимура была регулярная армия, составленная из гулямов — удальцов, которые сражались за деньги, имели военную дисциплину и отменную выучку. Как всегда, армия оказалась сильнее ополчения. Тимур выиграл сражение. И, переправившись через Терек, прошел по Волге, уничтожая все татарские города. Но дальше Тимур не пошел, так как татары восстали у него в тылу, восстали черкесы на Кубани, восстал Дагестан. Тимуру спешно пришлось возвращаться обратно через Дербентский проход, после чего он ушел обратно в свои владения в прекрасный город Самарканд, оставив бывших своих офицеров из числа волжских татар, мурзу Едигея и царевича Темир-Кутлука. В это время Витовт решил развернуть наступление на Восток и захватить всю Россию. Он договорился с Тохтамышем, который сбежал к нему — больше некуда было бежать, — что он восстановит Тохтамыша на престоле Золотой Орды, а татары за это уступят Литве русские земли. Создалась огромная армия из литовских богатырей, польских шляхтичей, немецких рыцарей и, конечно, белорусов, которые тоже были мобилизованы.

Темир-Кутлук при помощи Едигея наголову разгромил лучшую армию Европы в 1399 г.

И в это время случилось событие, которое не следует упускать из виду. Витовт бежал, и сопровождал его некий казак Мамай (потомок того, погибшего, кажется, внук его). Шли они через какие-то леса, принадлежащие Мамаю, и тот заблудился в них. Три дня они бродили, и тогда Витовт, который был человек очень умный, сказал: «Хватит. Дам тебе княжеский титул, урочище Глину и город Глинск. Выведи!» И Мамай сразу вывел его. Потомком этого казака Мамая (а следовательно, и самого Мамая) по женской линии был Иван Грозный. Мать его, Елена Васильевна Глинская, происходила из этого рода. Следовательно,

когда Грозный истреблял бояр — потомков победителей на Куликовом поле, — он действовал логично, как потомок Мамая. Он мстил за унижение своего предка. Конечно, он об этом не знал. Но ведь в этом-то и интерес! Так работает мироощущение на уровне логики событий!

Таким образом, можно сказать, что Орда внезапно возвысилась. Но Темир-Кутлук внезапно умер. В источниках сказано очень невнятно, что он проявил самовольство, то есть стал заботиться о своем народе, а не служить Тимуру. Через некоторое время, уже после смерти Тимура, в Орде ханом стал брат Темир-Кутлука — Шадибек. Витовт решил напасть на Москву. Это случилось в 1406 г. Он дошел до Тулы. Но Шадибек пришел с татарским войском, и Витовт немедленно отступил, наученный недавним опытом. Теперь мы можем спросить: так кто же помог Москве устоять против жестокого нажима с юга, из Мусульманского мира, от Тимура, и с запада, со стороны Витовта и Ягайлы? Кто же нам должен быть ближе: Ягайло, воины которого резали русских раненых после Куликовской битвы, или Шадибек, который в нужное время явился на помощь? Мне кажется, этот вопрос во всяком случае требует пересмотра. Не следует упускать тех событий, о которых я упоминал. А в обыкновенных учебниках XIX в. либерального направления они опускаются. Для того чтобы о них узнать, надо читать подробные сочинения вроде «Истории» Соловьева, которая никак не интерпретирует, но по крайней мере упоминает эти факты.

И вот теперь мы можем поставить проблему: каким образом маленькое Московское княжество, имея таких представителей, среди которых были не только рачительный хозяин Иван Калита, но и беспринципный Юрий Данилович, бесхарактерный, мягкий Иван Иванович Красный, вполне заурядный как личность Дмитрий Донской, превратилось в ту Великую Русь, в наследии которой мы с Вами живем?

А. П.: Действительно, каким образом?

Л. Г.: Кто видел, знает сегодня о таких этносах, как мурома, заволоцкая чудь? А ведь заведомо известно, что никакого истребления этих племен, довольно многочисленных, не было. Они просто смешались с пришлыми суздальскими и тверскими славянами, выучили русский язык и вошли в состав русских. Мы видим, что великороссы, как их было принято называть, или россияне, как их называют сейчас, — этнос, сложившийся из трех компонентов: славяне, угро-финны и татары, смесь тюрок с монголами. Татары-язычники, которые не хотели принимать ислам и бежали на Русь в большом количестве, оседали и в

Рязанском княжестве, и в Московском, и, больше всего, в Ростове Великом, где, как я уже говорил, было смешанное население. Они стремились жениться на русских боярышнях. Их татарские красавицы крестились, чтобы выйти замуж за русских бояр. Образовался новый смешанный этнос, который никогда раньше не существовал. Здесь начало этногенеза — переход от инкубационного периода фазы подъема к его явному периоду. В результате получилось очень сильное этническое образование, в котором никогда не было вражды на национальной почве.

Могут сказать: как это так? Мы, потомки славян, всех всегда побеждавшие, являемся наследниками каких-то татар? Но мы стали одерживать победы именно с того момента, как мы смешались. Впрочем, если подумать, выясняется, что все известные нам европейские этносы, да и азиатские тоже, возникли тем же способом. Чьи потомки англичане? Во-первых, мы должны учесть романизированных кельтов, которые были почти все перебиты, но их женщины рожали детей победителям. От англов, саксов и ютов. Те, в свою очередь, были разбиты норманнами, потомки которых поселились в Нортумберленде и до XX в. говорили на норвежском языке; и датчанами, которые поселились на юге, пока их не выгнал Эдуард Исповедник; после этого прибыли нормандцы из Северной Франции и плантагенеты из Анжу и Пуату. Все эти элементы смешались в единое целое, и оказалось, что эта система такая сильная, что трехмиллионное английское королевство побеждало 18 миллионное французское во время Столетней войны. Кончилось это, правда, для них поражением, но больше чем через сто лет побед. Очевидно, смесь — первоначальное во время пассионарного толчка условие, без которого новый этнос возникнуть не может. Но как только этнос возник, сложился и формализовался, вся пассионарная его часть может смешиваться без вреда и даже с пользой для себя, а основная часть, сбросив избыток энергии, начинает кристаллизоваться в каких-либо определенных формах. Это случается в акматической фазе и, самое главное, в фазе надлома. Мы действительно знаем, что северяне, потомки древних савиров, досуществовали до XVII в.; еще в Смутное время они выступали против Москвы и против Василия Шуйского, поддерживая Болотникова, князя Шаховского и других.

Вот вам, кстати, еще один пример исторического мифа: «Смутное время — это крестьянская война». Но основную-то силу армии Болотникова составляли три рязанских пограничных полка, во главе которых стоял полковник Прокопий Ляпунов. И наоборот: Шуйского поддерживали, то есть Москву защищали, даточные люди — мобилизованные крестьяне. Таким образом, то,

что мы пытаемся изобразить как крестьянскую войну, не отвечает этим известным, опубликованным в исторической литературе фактам.

Та же ситуация и с политикой Александра Невского. То, что Александр подчинился Орде, рассматривается как предательство Христианского мира. Ранее об этом писали: польский ученый Уминский, немецкий католический историк Амман, недавно была опубликована новая серия западных работ, в которых осуждается Александр Невский. Когда спрашивают мое отношение к этому, я говорю: «Ну конечно, они осуждают — они же хотели русскими руками воевать против татар, а потом захватить обескровленную Россию безо всяких затрат. Конечно, они считают, что Александр Невский, который сорвал им эту колониальную операцию, поступил нехорошо. Но для России Александр — герой, святой и основатель новой российской целостности, которая существует до сих пор». «Но он подчинился татарам», — говорят они. Повторяю: в то время подчинение соответствовало дипломатическому этикету. Точно так же Богдан Хмельницкий подчинился царю Алексею Михайловичу. Но он остался и гетманом Украины с полным самоуправлением, и со всеми привилегиями. Правда, с украинцев стали собирать теперь больше налогов, чем собирали поляки. Зато вместо 20 тысяч казаков было записано в реестр — то есть освобождено от всякой крепостной зависимости — 60 тысяч. Но почему же тогда на Украине гетман Выговский, шляхтич русского происхождения, Юрий Хмельницкий, сын Богдана, Дорошенко — то есть почти вся казачья верхушка — стремились вернуться под власть Польши, а основная масса казаков на Переславской раде заявила: «Волим царя восточного, православного»? Очень просто. В странах Запада некатолики не имели гражданских прав и возможностей сделать карьеру. А в России православные были единоверцами, своими. И вот в этом — вторая причина подъема Москвы. У нас сложился институт, связанный не с родовыми привилегиями, а исключительно по принципу личных способностей. Стать патриархом или митрополитом мог любой человек, если оказывался к этому способен. Это прежде всего относится к церковной иерархии Московской митрополии. К XV в. церковная организация превратила Московское княжество из феодального в теократическое. И только в XVI в., после попытки Ивана Грозного истребить все самое ценное, самое умное, самое талантливое, что было в России, за что он заплатил двумя проигранными войнами — Ливонской и Крымской, положение изменилось. Но все стало по-прежнему после изгнания поляков и возвращения Федора Никитовича Романова, в монашестве Филарета, к власти.

Дальнейшее настолько известно, что не хочется повторять. Но следует отметить, что легкость завоевания Сибири была связана с тем, что в отличие от англосаксов, французов и немцев русские в сибиряках видели людей, равных себе, и, если те подчиняются, — автоматически становятся равноправными членами сообщества, то есть государства. Татары, сибиряки получали право, так же как украинцы, занимать любые должности, вплоть до самых высших. Безбородко, который не знал русского языка, а говорил или по-латыни, или по-французски, или по-украински, был канцлером — то есть правителем империи! Алексей Разумовский был венчанным мужем царицы Елизаветы. Но брак их был морганатическим — их дети не имели права на престол. Кирилл Разумовский был гетманом всея Украины. Грузия просила принять ее в состав Российской империи — то есть желала подчиниться России. Долгое время первые Романовы — Михаил, Алексей, даже Петр — не хотели принимать Грузию, брать на себя такую обузу. Только сумасшедший Павел дал себя уговорить Георгию XIII и включил Грузию в состав Российской империи. Результат был таков: в 1800 г. насчитывалось 800 тысяч грузин, в 1900 м их было 4 миллиона. Дело в том, что кавказские горцы, турки и персы постоянно совершали набеги на Грузию, уводили молодежь, юношей кастрировали и употребляли для разной канцелярской работы, а девушек уводили в гаремы. И когда русские войска защитили Грузию от горцев, она много выиграла от этого. Точно так же армян русские спасли от персидского гнета и турецкого ига. Так же казахи обратились в правительство Анны Иоанновны с тем, чтобы она приняла их Малую Орду — наиболее активную и воинственную — в состав России. Их просьба была удовлетворена. Единственно, в чем их ограничили, — запретили воровать коней у русских. Их за это сажали и ссылали в Якутию, где они начинали так же грабить якутов (об этом очень хорошо написал Короленко). Откуда взялись буряты? Когда Монголия в XVII в. оказалась в безвыходном положении — с запада ее терзали калмыки, с юга китайцы, они решили, что держаться дальше как самостоятельное государство они не могут. Часть их высказалась за то, чтобы признать власть Желтого хана, то есть Маньчжурского императора и императора всего Китая, а другая часть решила выступить за Белого хана, за русского царя. Они перекочевали через горы, были приняты, и им были даны права казаков — то есть право не платить налогов, а охранять границу. Это их вполне устроило.

В Сибири воевода имел все права над жизнью и смертью своих подчиненных. Любого пойманного разбойника он мог повесить на первой попавшейся березе. Но инородцы, внесенные в

ясачные списки, могли быть казнены только с разрешения Москвы. А Москва разрешения на казнь инородцев не давала. И даже когда один отчаянный бурят обратился в буддизм и решил поднять бурят на борьбу с русскими, его поймали, но Москва не дала разрешения на казнь. Так он и остался безнаказанным. Такое отношение к инородцам, безусловно, укрепило силы России. Я уже не говорю о сибирских мехах, которые ценились тогда как валюта: сибиряки приносили по одному соболю в год — это называлось ясак. Но когда пришлось воевать с Польшей, то казаки, большая часть которых были потомками крещеных половцев, помогли эту войну не проиграть. Когда одержавший много побед Карл XII дошел до Полтавы, он вынужден был принять бой, потому что данные его разведки сообщили ему, что хан Аюка с калмыцкой армией идет сражаться против него. Он принял бой, который проиграл, для того чтобы не иметь дела с калмыками. Но когда война затянулась, правительство стало посылать калмыцких, башкирских и татарских всадников через лед Ботнического залива — это была легкая конница. Легкая в буквальном смысле слова — всадники были одеты в шубы, на небольших конях. Обычная тяжелая кавалерия провалилась бы под лед. Несколько таких походов в большой степени приблизили мир со Швецией, по которому России отходила вся Прибалтика и город Выборг. Удивительно, что сейчас литовцы, эстонцы и латыши, которые хотят восстановить прошлое, не понимают, что если прошлое восстанавливать, то мы должны передать Прибалтику шведам, подлинным хозяевам этих земель. А с прибалтами мы даже не воевали — о чем же может идти речь?!

Для того чтобы разобраться, нужно брать историю на широком фоне. Легче, стреляя из винтовки, попасть в дом, чем в пятак, который приколочен на стене дома. Только тогда можно получить верные результаты, когда мы имеем достаточно обильный и широкий материал. Эта методика, которая одно время применялась в Западной Европе, уступила в наше время место узкой специализации. А узкая специализация не дает возможности сделать верный и убедительный вывод — так как нет сопоставления на широком фоне и мы не можем знать, случайно ли это совпадение или закономерно. В книге «Этногенез и биосфера Земли» я показал, что этногенез есть закономерность природы, а не случайностей социального развития. Но для того, чтобы открыть эту природную закономерность, мы должны изучать фактическую историю как науку о событиях в их связи и последовательности.

А. П.: Лев Николаевич, эту вашу книгу простому смертному

достать совершенно невозможно. Поэтому ответьте на такой, я убежден, интересующий многих вопрос. Сейчас очень многие, и весьма громко, говорят о близком конце русских. Что по этому поводу говорит нам теория этногенеза?

Л. Г.: Теория этногенеза говорит нам, что каждый этнос, самостоятельно развивающийся, не получивший ударов извне, проходит ряд определенных фаз. Сначала подъем пассионарности (об этом периоде развития русского этноса я рассказывал только что), он у нас длился вплоть до XVI в. В XVI в. наступил пассионарный перегрев. Это дало страшные последствия: опричнину, Смутное время, Раскол, восстание Разина, которое было отнюдь не крестьянским восстанием, а восстанием пограничных метисированных разбойников, стрелецкие мятежи; после всего этого пассионарность несколько спала, дошла до нормы: XVIII в. — оптимальное в смысле пассионарности время. Конечно, ничего особенно хорошего в XVIII в. не было: безграмотные помещики, которые гоняли зайцев и лисиц, или недоросли, которые ездили в Париж и возвращались оттуда надутыми щеголями и довольно бестолковыми любителями всего западного. Но пассионарность, которая является обязательным условием для творчества, дала нам возможность победить даже Наполеона, армия которого превосходила русскую в три раза. «И вся Европа там была, и чья звезда ее вела!» — писал Пушкин. Война эта принесла жестокий урон уровню пассионарности нашего этноса. Лучшая часть русских людей служила в то время в армии офицерами или солдатами. И после битвы при Лейпциге, после взятия Парижа в 1814 г., Россия имела уже значительно ослабленную армию — герои погибли. После этого начались уже болезненные явления: с одной стороны, развитие сектантства в народе, с другой стороны, в верхних слоях общества развитие западнических направлений, масонства, в науке было немецкое засилье, потому что уже правительство Екатерины — это было западническое правительство, и Ломоносову пришлось уйти. Постепенно, но неуклонно количество пассионариев сокращалось. Лучше всего об этом написано в «Горе от ума»: Софья предпочитает пассионарному Чацкому, умнице, волевому, живому человеку, Молчалина, который будет спокойно служить и обеспечивать ее семью. Сменился идеал. Под идеалом я понимаю далекий прогноз. Они стали считать, что самое лучшее — обывательское существование: дойти до чеховских героев. Естественно, Россия ослабела, да еще очень много потеряла во время немецкой войны. Поэтому оказалось, что западнические влияния, то, что А. Тойнби называл оксидентализацией (от английского occidentally — «на западный манер»), очень

развились, что сыграло в нашей судьбе самую роковую роль.

А. П.: И все-таки, Лев Николаевич, если я в общих чертах правильно понимаю вашу теорию, из нее следует: все сегодняшние беды нашей страны — лишь кратковременный эпизод, после которого нас ждет пора «золотой осени» — спокойного и долгого «умирания» в течение нескольких столетий.

Л. Г.: Сегодняшние беды — неизбежный эпизод. Мы находимся в конце фазы надлома (если хотите — в климаксе), а это возрастная болезнь. Есть ли у нас шанс ее пережить? Да, есть. И то, что в связи с перестройкой происходит полное изменение императивов поведения, — это может пойти на пользу делу и помочь нам выйти из кризиса. Но сама перестройка — лишь шанс на спасение. Мы должны прежде всего осознать традиционные границы — временные и пространственные — нашей этнической общности, четко понять, где свои, а где чужие. В противном случае мы не можем надеяться сохранить ту этносоциальную целостность, которую создавали наши предки при великих князьях и царях московских, при петербургских императорах. Если мы сумеем эту целостность сохранить, сумеем восстановить традицию терпимых, уважительных отношений к формам жизни близких нам народов — все эти народы останутся в пределах этой целостности и будут жить хорошо и спокойно.

Однако не исключена возможность, что при распаде, внешнем вторжении — военном или экономическом, когда у нас разрушится стиль нашей жизни, стереотипы поведения, изменится наша суперэтническая ориентация, — нас постигнет судьба Арабского халифата. Там широкие межэтнические контакты происходили на суперэтническом уровне во всех областях жизни: в войске, на базаре и в гареме, даже в мечетях — сунниты, шииты, хариджиты, а вокруг них христиане, огнепоклонники, евреи, язычники всех оттенков и дуалисты-сарматы. Переизбыток этнической пестроты столь же опасен, как ее отсутствие: оптимальна мера внутри суперэтноса в границах ландшафтного региона, в нашем случае совпадающая с границами нашего государства.

Хочется думать, что судьба Арабского халифата минует наше Отечество. Однако возможно это лишь в том случае, если мы не будем поддаваться уже испытанным соблазнам и благодушествовать как в разговорах о нашем национальном величии, так и в самобичевании по поводу нашей «отсталости» от Европы.

Что такое «отсталость»? Ведь это же просто разница возраста. И действительно, толчок, приведший к рождению

западноевропейского («христианского») мира, произошел в VIII в. н. э. Благодаря этой «отсталости», благодаря избыточным силам этнической молодости западноевропейцы и победили в конечном счете восточное православие в 1204 г., когда варварски ограбили Константинополь. Поскольку наш, «русский» пассионарный толчок имел место в XIII в., то по отношению к Европе мы действительно моложе на целых 500 лет, и это вещь вполне объективная. Как всякая естественная данность, наша молодость, конечно, не может и не должна быть поводом для мазохизма, ибо сознательное стремление к своей старости (а значит, и смерти) — нонсенс.